

Александр Гудеев

Девять лет дождя

18+

Александр Гудеев
Девять лет дождя

«Автор»

2026

Гудеев А. П.

Девять лет дождя / А. П. Гудеев — «Автор», 2026

Драма о вине, памяти и хрупкой попытке вернуться к жизни после того, как привычный мир рухнул.

© Гудеев А. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Утро	6
Глава вторая. Дорога	9
Глава третья. Больница	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Гудеев

Девять лет дождя

ДЕВЯТЬ ЛЕТ ДОЖДЯ

Драма

Глава первая. Утро

Елена проснулась до будильника. Так происходило почти каждое утро последние несколько месяцев: глаза открывались в темноте, ещё до того, как за окном начинал сереть город, и несколько секунд она лежала неподвижно, пытаясь понять, почему проснулась. Потом взгляд неизбежно останавливался на пустой половине кровати.

Рядом с ней никто не спал уже давно, но привычка всё ещё сохраняла форму человека. На смятой подушке оставалась неглубокая впадина, хотя Елена каждый вечер расправляла постель перед сном. На прикроватной тумбочке стояла вторая чашка — белая, с тонкой трещиной возле ручки. Она не пользовалась ею, но и выбросить не могла. Между двумя чашками лежали очки, блистер таблеток и фотография в тёмной деревянной рамке.

Елена протянула руку и взяла снимок. На фотографии ей было тридцать два. Волосы ещё не тронула седина, лицо казалось мягче, чем теперь, а рядом стоял Андрей — высокий, худощавый, с привычно чуть прищуренными глазами. Между ними, крепко держась обеими руками за их ладони, стояла Лиза. Ей было семь. На голове — два неровных хвостика, на жёлтом платье несколько пятен от травы, а передние зубы ещё не успели окончательно вырасти после недавней смены.

Лиза смеялась.

Елена провела пальцем по стеклу. На мгновение задержалась над дочерним лицом. Потом поставила фотографию обратно.

Будильник зазвонил в 6:40. Она выключила его ещё до второго сигнала.

Квартира встретила её той особенной тишиной, которая появляется не тогда, когда в доме никого нет, а когда в нём слишком долго не хватает одного человека. В коридоре стояла обувь Андрея. Старые коричневые ботинки, которые он собирался выбросить ещё прошлой зимой. Елена несколько раз переставляла их с места на место, но так и не решилась убрать.

На стене напротив висело круглое зеркало в потемневшей бронзовой раме. Когда-то они купили его на блошином рынке почти случайно. Андрей хотел взять другое, большое и современное, но Елена выбрала это — с маленькими царапинами по краям и неправильным отражением, слегка искажавшим лицо. Теперь, проходя мимо, она почти никогда не смотрела на себя.

Елена отвела взгляд.

На кухне было холодно. Она включила свет и сразу увидела рисунок на холодильнике. Он висел там девять лет. Лист бумаги пожелтел по краям, магнит давно потерял первоначальный блеск, а краска на рисунке местами выцвела от солнца. Дом с красной крышей. Большое дерево. Три человека перед крыльцом. Над ними — солнце размером почти с половину неба.

Лиза нарисовала его в восемь лет. Елена помнила этот день. Не хотела помнить, но помнила.

Она открыла холодильник. Внутри стояли йогурт, молоко, половина лимона и коробка клубники. В дальнем углу лежал небольшой торт в прозрачной упаковке. Сегодня Лизе исполнилось семнадцать.

Елена достала торт. Поставила его на стол. Открыла коробку. Кондитер украсил верх тонкими шоколадными завитками и семнадцатью маленькими ягодами. Всё было сделано точно так, как она просила.

Она достала из шкафа тарелку. Потом вторую. Остановилась. Вторая тарелка осталась на столе. Елена долго смотрела на неё, словно пыталась вспомнить, зачем достала. Затем поставила рядом третью.

Три тарелки. Как на старой фотографии.

Она отвернулась. Через минуту две тарелки вернулись в шкаф. Третья осталась.

Елена аккуратно сложила лист обратно и убрала в ящик.

Телефон коротко завибрировал в её ладони. Елена вздрогнула, включила экран и увидела ряд одинаковых отметок о пропущенных вызовах. Она не открыла их, а сразу перешла к фотографиям, где лицо Лизы сменялось от снимка к снимку.

На экране появилась Лиза, которой было шестнадцать. Длинные волосы собраны в хвост, на ней чёрная куртка, а в руках скейтборд. Она стояла возле школьного забора, чуть повернувшись к камере. Снимок сделал Андрей.

Елена провела пальцем по экрану. Следующий снимок. Лиза в четырнадцать. В тринадцать. В одиннадцать. В девять. В восемь. В пять. В два.

Последняя фотография была сделана в роддоме. Маленькое красное лицо, закрытые глаза, крошечный кулак возле щеки.

Елена остановилась. Её палец замер над экраном. Потом телефон выскользнул из руки и упал на стол. Она не подняла его.

За окном проходили люди. Город просыпался. Машины двигались по мокрой дороге, на остановке собирались пассажиры, где-то в соседнем доме хлопнула дверь. Обычное утро продолжалось. Только для Елены оно уже девять лет оставалось одним и тем же утром. Тем самым утром, после которого ничего больше не вернулось на прежнее место.

Она надела пальто. Перед выходом остановилась возле вешалки. На самом нижнем крючке всё ещё висел маленький красный шарф. Когда-то Лиза носила его каждую зиму. Теперь ткань стала слишком короткой даже для ребёнка младшего возраста.

Елена сняла шарф. Прижала к лицу. Закрыла глаза. Запах давно исчез. Осталась только память о нём.

Она аккуратно сложила шарф и убрала в карман. Затем вышла из квартиры. Дверь закрылась. Внутри остался торт, три тарелки, фотография и рисунок с тремя людьми, которые всё ещё держались за руки.

Серый рассвет медленно просачивался сквозь шторы. На мебели лежали неподвижные полосы света, а в глубине квартиры потрескивали трубы. Елена двигалась осторожно, почти бесшумно, словно любое резкое движение могло нарушить хрупкий порядок, который она годами поддерживала вокруг себя.

Она поправила края покрывала, выровняла чашки и протёрла столешницу, хотя на ней не было ни пятнышка. Каждое движение повторялось с почти болезненной точностью. Только пальцы иногда замирали на полпути, и тогда она долго стояла, глядя на предмет, который держала.

В ванной Елена долго держала ладони под тёплой водой. Пар затянул зеркало, и её отражение распалось на размытые очертания. Она провела рукавом по стеклу, открыв только небольшую полосу на уровне глаз, затем выключила воду. На краю раковины лежала вторая зубная щётка, давно потерявшая цвет. Елена не выбросила её, но каждый раз, когда брала свою, случайно задевала чужую и отдёргивала руку.

Она открыла шкаф и сняла с плечиков тёмное пальто. Рядом висела лёгкая куртка Андрея, забытая после последнего совместного выхода. Один рукав вывернулся наружу, на подкладке темнело небольшое пятно. Елена расправила ткань, осторожно убрала рукав внутрь и закрыла дверцу. Через мгновение снова открыла её, коснулась куртки двумя пальцами и только потом отошла.

На лестничной площадке пахло мокрой шерстью и свежим хлебом. Соседская дверь открылась, и маленькая девочка выскочила в коридор, едва удерживая на плече слишком большой рюкзак. За ней поспешила мать, поправила ремни и застегнула верхнюю пуговицу пальто. Елена остановилась у перил. Девочка подняла лицо к матери, та улыбнулась и пригладила ей волосы. Елена медленно спустилась на этаж ниже.

У подъезда ночной дождь оставил на асфальте длинные отражения фонарей. Елена обошла лужу, но у края тротуара остановилась: в воде плавал маленький жёлтый лист, похожий на

треугольный кусочек ткани. Она присела, подняла листок и положила на сухую часть бордюра. Ветер сразу сдвинул его обратно в воду. Елена выпрямилась и пошла дальше, не оглядываясь.

Пока лифт поднимался к верхнему этажу, в зеркальной стенке отражались её руки, сжатые вокруг ремешка сумки. На одном пальце белела тонкая полоска от кольца, которое она сняла много лет назад. Елена повернула кисть, прикрыла след ладонью и расправила пальцы. Двери разошлись, и она вышла в коридор, где больничный свет казался ещё холоднее утреннего.

На кухонной полке стояла банка с засахарившимся мёдом. Елена сняла крышку, посмотрела на янтарную поверхность и поставила банку в раковину. Вода постепенно размягчила липкий слой по краям. Она вымыла стекло, вытерла его насухо и убрала на дальнюю полку, освобождая место для обычных чашек. Когда закончила, кухонная поверхность выглядела просторнее, но пустота сразу бросилась в глаза.

В прихожей она заметила, что дверной коврик загнулся уголком. Елена опустилась на колени, разгладила его и прижала ладонью. Под ковриком сохранилась тонкая песчаная полоса, занесённая с улицы. Она вымела песок, сложила щётку в шкаф и ещё раз проверила край коврика. Тот лежал ровно, без складок и волн.

На остановке Елена заметила женщину с двумя детьми. Один ребёнок шёл сам, второй сидел на руках и крутил в пальцах яркую игрушку. Старший постоянно оглядывался, проверяя, идёт ли мать следом. Женщина протянула свободную руку, и ребёнок сразу взял её. Елена смотрела, пока автобус не закрыл обзор, затем поднялась по ступенькам, держась за поручень обеими руками.

В сумке лежала маленькая упаковка салфеток. Елена достала её, вытащила одну салфетку и вытерла с пальто каплю дождя. Бумага распалась на влажные волокна, и она собрала их в ладонь, чтобы не оставить на сиденье. Этот мелкий беспорядок потребовал нескольких минут, и она продолжала складывать остатки, пока автобус не остановился у больницы.

У входа в больницу Елена остановилась возле стеклянных дверей. В отражении она увидела себя целиком: мокрый подол пальто, уставшее лицо, сумку, сжатую обеими руками. Двери разошлись, пропуская людей наружу. Она дождалась, пока поток иссякнет, и вошла, не оборачиваясь к улице.

У двери Елена остановилась и проверила карман, где лежал красный шарф. Ткань мягко коснулась пальцев. Она не достала его, лишь застегнула пальто и пошла к лестнице, удерживая сумку ближе к боку.

На лестнице Елена поправила сумку на плече. Ремень скользнул, и она закрепила его короче, прежде чем выйти на улицу.

Глава вторая. Дорога

Автобус был почти пуст. Елена сидела у окна. За стеклом медленно проплывали дома. Она смотрела на людей, ожидавших перехода: на мальчика с рюкзаком, на пожилую пару, на женщину, которая держала ребёнка за руку.

Мальчик вдруг вырвался и побежал вперёд. Мать резко дёрнула его обратно. Елена в автобусе отвернулась. Её отражение в окне стало темнее.

Она достала телефон. На экране один за другим тянулись одинаковые значки пропущенных вызовов. Елена погасила дисплей, подержала телефон в ладони, затем снова включила его и открыла галерею.

Она открыла фотографию контакта. На фотографии была Лиза, которой недавно исполнилось шестнадцать: длинные волосы, серьёзный взгляд, букет цветов в руке. Елена провела пальцем по экрану. Фотография сменилась: Лиза была младше, лет десять. Потом шесть. Потом три.

Последней открылась фотография, на которой ей был примерно год. Елена закрыла глаза. Автобус остановился. Она вышла.

Дождь оставлял на стекле извилистые дорожки. Вода собиралась на подоконнике, отражала кухонную лампу и дрожала от проезжавших машин. Елена двигала предметы по столу, создавая между ними равные промежутки, но пустое место напротив неё оставалось шире, чем прежде.

Торт постепенно терял холод, крем становился мягче. На прозрачной крышке оседали крошечные капли. Елена несколько раз подходила к столу, поправляла коробку и отступала, не притрагиваясь к угощению.

Автобус тронулся с места рывком. Елена схватилась за поручень, а сумка ударилась о колено. За окном город скользил полосами: серые фасады, мокрые деревья, витрины, в которых ещё не погасли ночные лампы. На каждом перекрёстке люди переходили дорогу небольшими группами. Кто-то торопился, кто-то прятал лицо в воротник, кто-то нёс цветы, прижимая их к груди.

На соседнем сиденье женщина держала спящего младенца. Голова ребёнка покачивалась при каждом повороте, и женщина поправляла одеяло, не выпуская маленькую ладонь из своей. Елена смотрела на их отражение в стекле. В какой-то момент ребёнок проснулся, сморщил лицо и заплакал. Женщина прижала его к плечу, покачала, и плач постепенно стих. Елена сжала ремешок сумки так сильно, что побелели пальцы.

У остановки вошёл мужчина с мокрым зонтом. Он встряхнул его у двери, стараясь не задеть пассажиров, и встал неподалёку. На его рукаве блестели капли, а на ботинке прилипла узкая полоска грязи. Елена отодвинулась к окну, пропуская его, хотя между ними и так оставалось достаточно места. Она продолжала следить за дорогой, пока собственное отражение не заслонило улицу.

Автобус проехал мимо небольшого парка. На площадке рабочий собирал скамейки после ночного дождя, переворачивая деревянные планки и вытирая их ветошью. На качелях висела тонкая цепь, и ветер медленно раскачивал пустое сиденье. Елена повернулась вслед за парком, пока тот не исчез за поворотом. Затем опустила взгляд на свои колени и долго разглаживала складку на пальто.

Когда автобус затормозил у больницы, люди поднялись почти одновременно. Елена осталась сидеть ещё несколько секунд, пропуская поток к выходу. Затем встала, придерживая сумку обеими руками, и спустилась на мокрый тротуар. Двери закрылись за её спиной. Автобус отъехал, оставив за собой шум воды и короткий порыв холодного воздуха.

На перекрёстке автобус задержался перед красным сигналом. По переходу шёл пожилой мужчина с тростью, осторожно ставя ногу на каждую белую полосу. Водитель не торопил его, хотя за автобусом уже выстроились машины. Мужчина добрался до тротуара, остановился отдышаться и поднял руку в коротком жесте благодарности. Елена опустила глаза, а когда снова посмотрела в окно, сигнал уже сменился.

В салоне кто-то уронил перчатку. Она упала возле задней двери и проскользнула под сиденье. Девушка в ярком шарфе наклонилась, достала её и передала владельцу — маленькому мальчику, которого держала за плечи бабушка. Мальчик прижал перчатку к груди. Елена следила за ними, пока автобус не свернул на широкую улицу, где деревья стояли голыми и тёмными.

На стекле рядом с Еленой остался след от детской ладони. Пять пальцев расплывались в мутном пятне, поверх которого медленно стекала вода. Елена приложила к стеклу свою ладонь, не касаясь поверхности, и сравнила размеры. Её пальцы казались слишком длинными. Она убрала руку и отвернулась к проходу, где поручни дрожали при каждом неровном участке дороги.

Когда двери открылись, ветер занёс в салон несколько сухих листьев. Один прилип к подошве Елены. Она заметила его уже на ступеньке, сняла пальцами и отпустила на тротуар. Лист покружился в потоке воздуха и исчез под колесом припаркованной машины. Елена поднялась по больничным ступеням, медленно расправляя пальцы, озябшие на ветру.

В холле Елена сняла перчатки и положила их в карман. На пальцах остались бледные полосы от швов. Она растёрла ладони, затем медленно надела перчатки обратно, разглаживая каждый палец. Только после этого направилась к лифту, где на металлической двери дрожал тусклый свет потолочных ламп.

На стене холла отражались люди, проходившие к лифтам. Елена задержалась возле зеркальной панели, поправила воротник и убрала выбившуюся прядь волос. Отражение повторило движения с небольшой задержкой, пока двери лифта не открылись.

У входа она стряхнула с рукавов капли и сложила зонт. Вода стекла по ткани на плитку, оставив несколько тёмных точек.

Глава третья. Больница

Коридор был слишком белым. Елена сидела на стуле напротив закрытой двери. На стене висели часы; секундная стрелка двигалась рывками. Она следила за ней, пока минуты складывались в длинные, бесформенные отрезки ожидания.

Дверь открылась. Вышел врач, снял маску и сел рядом. Елена посмотрела на него. Он достал планшет, положил на колени и показал что-то на экране.

Она не двигалась.

Врач положил ладонь ей на плечо. Елена опустила голову, пальцы сжали край пальто. Через несколько секунд врач встал и ушёл. Дверь напротив снова закрылась.

Елена посмотрела на свои руки. На правом запястье остался тонкий белый шрам. Она провела по нему ногтем, потом закрыла лицо ладонями.

За окнами мелькали мокрые фасады, остановки и лица прохожих. Автобус покачивался на выбоинах, и каждый поворот отражался в стекле движением её плеч. Елена держала сумку обеими руками, не снимая перчаток, даже когда в салоне стало душно.

У больницы она вышла вместе с потоком людей. Холодный воздух ударил в лицо. Елена задержалась у входа, пропуская каталку и женщину с букетом, затем поднялась по ступеням, держась за металлические перила.

В приёмном отделении пахло антисептиком, мокрой одеждой и кофе из автомата. На полу блестели следы от колёс каталок. Медсестра быстро прошла мимо, придерживая локтем папку, а за ней двигался санитар с пустой тележкой. Елена стояла у стены, не снимая пальто. Когда дверь открывалась, из палаты вырывался тёплый воздух, но до неё он доходил уже холодным.

На подоконнике лежал забытый плюшевый заяц. Одно ухо было вывернуто, на лапе распустился шов. Елена подняла игрушку, отряхнула с неё пыль и поставила ближе к стене, чтобы не упала. На секунду пальцы задержались на мягкой ткани. Потом она убрала руки за спину и вернулась к двери, возле которой ждала.

Врач вышел снова, теперь без планшета. Он остановился напротив Елены и медленно снял очки. Его лицо оставалось спокойным, но усталость проступала в движениях: он потёр переносицу, опустил плечи и ненадолго прикрыл глаза. Елена не отводила взгляда от его рук. Когда он осторожно коснулся её локтя, она вздрогнула всем телом, словно прикосновение было резким ударом.

Из-за двери донёсся короткий сигнал аппарата. Елена сделала шаг вперёд, но остановилась, когда врач поднял ладонь. Он не удерживал её силой; просто оставался между ней и дверью, давая ей несколько секунд. Она опустила руку, которую уже протянула к ручке. Пальцы медленно согнулись, и ногти оставили на ладони маленькие полукружья.

Позже ей разрешили войти. Елена переступила порог, придерживаясь за косяк. В палате свет был мягче, чем в коридоре, а за окном снежная крупа кружилась возле фонарей. Лиза лежала неподвижно, окружённая проводами и прозрачными трубками. Елена подошла к кровати, но сначала не прикоснулась к дочери. Она смотрела, как тонкая полоска света движется по одеялу вместе с дыханием.

В комнате ожидания стоял автомат с горячими напитками. Елена нажала кнопку, но стаканчик застрял внутри. Она постучала по корпусу, затем отошла, не пытаясь сильнее встряхнуть машину. Через минуту стаканчик упал в отсек. Кофе оказался слишком горячим, и Елена держала его обеими руками, не отпивая. Когда поверхность перестала парить, она поставила напиток на подоконник и забыла о нём.

На соседнем стуле лежала детская куртка. Рукав свисал почти до пола, а молния была растёгнута. Елена подняла куртку и аккуратно сложила её на сиденье. Через некоторое время

прибежала молодая женщина, забрала вещь и прижала к себе ребёнка, который держался за её пальто. Елена отступила к стене, освобождая им проход.

Медсестра принесла чистое бельё и положила его на тележку. Белая ткань была сложена так ровно, что края совпадали с точностью до миллиметра. Елена смотрела, как медсестра расправляет угол простыни и разглаживает складки ладонями. Потом она перевела взгляд на Лизу и осторожно поправила край одеяла, повторяя то же движение.

Вечером в коридоре погасла одна лампа. Свет не исчез полностью, но на полу образовалась длинная серая полоса. Санитар поднял глаза к потолку, проверил выключатель и вызвал электрика жестом через стеклянную дверь. Елена осталась сидеть в полутени, пока новая лампа не загорелась, и только тогда заметила, что всё это время сжимала пальто в кулаках.

На подоконнике возле палаты лежала тонкая веточка, принесённая ветром. Елена подняла её, рассмотрела маленькие почки и положила рядом с вазой. Через несколько минут веточка подсохла, листья слегка скрутились. Она не стала выбрасывать её, а подвинула ближе к свету.

Елена поставила сумку на пол и расправила пальто на коленях. На ткани остались капли снега, которые медленно превращались в тёмные пятна. Она промокнула их салфеткой и сложила её в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.